

Владимир Кулаков

Я

жив

ещё

нока...

Владимир Кулаков

Я жив ещё пока... Проза в стихах

«Издательские решения»

Кулаков В.

Я жив ещё пока... Проза в стихах / В. Кулаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984747-8

Этот сборник — исповедь автора самому себе. Определённый отрезок жизни был сложным, проблемным. Как у многих... Кому-то книга покажется грустной, кому-то слишком жёсткой, правдивой. Столь откровенные стихи всегда непросто читать. Но в самые трудные моменты жизни они могут оказаться для кого-то необходимым лекарством, как оказались лекарством от душевной боли для самого автора. Также в книгу вошёл сборник «почти» романсов и песен, некоторые из которых использовались композиторами и певцами.

ISBN 978-5-44-984747-8

© Кулаков В.

© Издательские решения

Содержание

Ах, скажите вы мне...	6
«От Пушкина...»	7
«Засосёт суета...»	8
«Опять мне на заре не спится...»	9
«Затяжной петербургский туман...»	10
«Дождливых нот размыта акварель...»	11
«Вновь, хранящий всю дорогу...»	12
«Тень дирижёра скользит по клавиру...»	13
«Неба выцветшего киноварь...»	14
«Осень кружит кольцевой дорогой...»	15
«Я погибаю без Любви...»	16
«Обожжёт листву холод горьких слов...»	17
«Хватаюсь за нить ускользящих слов...»	18
«Твоё «Люблю» – глоток воды...»	19
«Звучала музыкой в тиши, не зная скуки...»	20
«Таща судьбу по лужам стылым...»	21
«Скамейка...»	23
«С фотографии поблекшей...»	25
«В донских ключах купался ветер пьяный...»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Я жив ещё пока...

Проза в стихах

Владимир Кулаков

Дизайнер обложки Михаил Юрьевич Щербов

© Владимир Кулаков, 2020

© Михаил Юрьевич Щербов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-4747-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ах, скажите вы мне...
«почти» романсы и песни

Вся наша жизнь есть по сути – Любовь!

Как не покажется это печально...

В. Кулаков

«В начале было СЛОВО
и СЛОВО было
у Бога,
и СЛОВО...»¹
Бог забрал.

Шесть лет молчания,
ни строчки
Но вот наполнился Источник,
и СЛОВО тушью
на бумагу
ПРОЛИЛОСЬ

¹ Евангелие. От Иоанна. Гл. I

«От Пушкина...»

От Пушкина
по Бродского
к Гостинке
На невском пяточке
играет
бэнд.

По кругу
импровиз
и банка пива.
На редкие хлопки —
лукавый
глаз.

Людской поток
на диксиленд
наткнувшись
Меняет шаг,
и суету,
на мысль.

В балтийском небе
чайки
в хороводе.
Под каблуками
жизнь
Великого Петра.

Открытый зев
футляра
из-под банджо
Глокает горечь
медных
пятак.

И станет вдруг
доступна
и понятна,
Под барабанный треск
и визг трубы, —
Затасканная
мудрость вековая:
Всё в жизни – мелочь.
Немелочна лишь – Жизнь.

«Засосёт суета...»

Засосёт суета
событий скука,
Полоснёт висок
тоска-осока-сука...

Тамбур куревом дыхнёт
прямо в душу.
До утра покой купе
не нарушу.

В зазеркалье снов моих
вновь вернусь,
В простынь белую ночей
обернусь.

На Смоленку вдоль Невы
ведёт дорога.
Мати-Ксеньюшка, прости,
ради Бога...

Птиц осенних не вернёшь
из далёка
И Ростральных не зажжёшь
позже срока.

В дыры проходных дворов
ворвётся ветер,
Сгоревших дней далёких тех
закружит пепел...

«Опять мне на заре не спится ...»

Опять мне на заре не спится —
Рву страницы...
Ночи долгие мои мудры.
Глаза трезвы.

За окном линяет клён —
Вчерашний сон.
Жжёт нетерпеливая строка —
Бурлит река.

Катится летами лето в Лету, —
Зачем всё Это?..

В осень клонится земная ось,
Как ржавый гвоздь.
Опять мне на заре не спится...
Эх, мне б не спиться.

«Затяжной петербургский туман...»

Затяжной петербургский туман.
Мокнет листьев гнилых погост.
Над каналом съёжился мост.
В акварели размытой – обман...

Силуэт на чёрном мосту
Отражается в чёрной воде.
Чёрный ворон кричит – быть беде.
Чёрный грифель взывает к Христу.

Мысли жадно вплетаются в суть.
Ностальгией терзается плоть:
Здесь тебя подарил мне Господь,
Здесь свершился началом мой путь.

Полутёмные арки дворов
Берегут плечи словно зонты.
Город мой, мы остались на «ты»,
Приговор твой мне не был суров.

Моё тело в других городах,
А душа где-то здесь, на «мостках».
След судьбы на чернильных листках
Отпечтался в летних садах.

Прибалтийской янтарной слезой
Соскользнула монета с моста.
Поглотила её пустота,
Лишь состарился ливень косой...

«Дождливых нот размыта акварель...»

Дождливых нот размыта акварель.
Мольбертом ждёт Создателя картина.
Цепочкой лет висит корд-де-парель,
Очерченная пламенем кармина.

Мир полон месс, рапсодий и кантат.
На клиросах взыванье к Силам Горним.
Но нем эфир, – Христос давно распят.
И древо Жизни подогнило корнем.

Блуждает ветер у слепых окон.
Терзают плоть веригами сомненья.
Сплетает строки Франсуа Вийон
В сырых застенках Эры безвременья.

Дождливых нот размыта акварель.
Давно закончена Создателем картина.
В узлах запуталась корд-де-парель,
Обугленная пламенем кармина...

«Вновь, хранящий всю дорогу...»

Вновь, хранящий всю дорогу,
Ангел крылья опустил.
Лоб крещу, взывая к Богу,
Чтоб грехи мои простил.

По душе моей заблудшей
Бесы закатали пир.
– Владыки взор потухший
И пустым стоит потир.

Строги лики на иконе,
Ладан горечью пролит.
Замерев в земном поклоне,
Путаю слова молитв.

Кружат ветры по планете.
Ад – с любимой в шалаше.
Аверс – реверс на монете.
Авель с Каином в душе.

По киоту рыщут тени.
Сердце разоряет тать.
Бью чело и жгу колени,
Силясь Истину понять.

И, подобно фарисею
Чуда требую извне!
Бог – явился ж Моисею
В неопалимой купине.

Гул шагов моих под сводом
Прозвучал пустой стезёй.
Лишь кольцо – как камень в воду,
Покатилось слезой...

«Тень дирижёра скользит по клавиру...»

Тень дирижёра скользит по клавиру.
Музыки знаки – изгибы судьбы.
Звуки хорала, явленные миру,
Реквием льются под сводом мольбы.

Жаркие капли синкоп и форшлагов
Слёзами каплют на паперть греха.
Шумные толпы экстазных аншлагов
Глушат органов опухших меха.

Небо расколото армагеддоном.
Мир разделён на овнов и козлов.
Стонут набаты, заходятся звоном
Сотни восторженных колоколов.

Время пророчества от Иоанна.
Идолы правят, в чести Лжехристы.
Падшего Ангела гимнами славят.
В храмах безлюдных сжигают кресты...

Утро промозглое серой полоской
Лоб остудит от кошмарного сна...
Катится шар по поверхности плоской
В ночь, уходящую прочь от окна.

«Неба выцветшего киноварь...»

Неба выцветшего киноварь
Позабывтое крутит кино.
В кадре старом «волшебный фонарь»
Проливает на скатерть вино.

Рассыпается соль по столу,
Опрокинутая невзначай.
В паутине икона в углу
И холодный без сахара чай.

В вазах мумии жёлтых цветов,
Угоревших в весеннем бреду.
Фотографии вздутых мостов,
Разведённых на нашу беду.

По цепочке остывших следов
До истоков своих доберусь.
Браги терпкой из горьких медов
До дурмана из Леты напьюсь...

Возвращаясь в сегодняшний день,
Заплутаю, собьюсь с полпути.
Терпеливого Ангела тень
Будет преданно рядом идти.

«Осень кружит кольцевой дорогой...»

Осень кружит кольцевой дорогой.
Листья копят годовой отчёт.
Рифма остаётся недотрогой,
Сердцу предъявляя давний счёт.

Слов банальных – нежность в позолоте.
Выдуманного праздника – витраж.
Души слились в штопорном полёте.
Временного счастья суть – Мираж...

Фрески остановленных мгновений
В воплях обезумевшей строки:
Трепет – плотно сдвинутых коленей,
Дерзость – многоопытной руки...

Сны – отображенье зыбкой яви,
Призраки земного бытия.
Холст художник кистью продырявил
Там, где воплотились Ты и Я...

Осень кружит кольцевой дорогой.
Листья сдали годовой отчёт.
Рифма не осталась недотрогой.
Вот мы и сыграли: «чёт – нечёт»...

Рвётся серпантинная лента.
Пеплом опадает конфетти.
Стало тихим аккомпанементом
Поздней осени прощальное «Прости...»

«Я погибаю без Любви...»

Я погибаю без Любви.

В безумной жажде, в ностальгии...

Огарок – вечный визави,
И купол «Спаса на крови»

Тоской на грудь, – как панагия...

«Обожжёт листву холод горьких слов...»

Обожжёт листву холод горьких слов...

Не зальёт вино жажду зыбких снов.

Опадёт бутон, выпив всё до дна,

Отмолив грехи на проём окна...

«Хватаюсь за нить ускользающих слов...»

Хватаюсь за нить ускользающих слов
И клею разбитые чаши.

Брожу до утра в одиночестве снов,
Где счастливы призраки наши.

«Твоё «Люблю» – глоток воды...»

Твоё «Люблю» – глоток воды.
Соломинка в безбрежном море.
Мир поделён на Я и Ты,
Когда с самим собой в раздоре.

Когда неволю мне жить, —
Не спится душными ночами.
И гамлетовское «Быть – Не быть»
В аорте гонит кровь толчками.

Письмо – иконой на столе.
А фотография – Мадонной.
Мне места нет на всей Земле.
Гостиницы лишь для бездомных.

Рояля клавиш череда.
Соревнованье чёрно-белых.
И не рассудят их года, —
Здесь правых нет... Как нет и левых.

Все дни раскрашены тобой.
В цвета надежды и сомнений.
То среди равных я – Изгой...
То, вдруг, средь серости я – Гений.

Меня мотает по углам
Гостиниц городов и весей.
Мне лишь Любви известен Храм.
Он истинен из всех конфессий.

Пока твоя любовь живёт
Мне не страшны пути любые.
Твоё «Люблю» меня спасёт,
Как крест серебряный на вые.

«Звучала музыкой в тиши, не зная скуки...»

Звучала музыкой в тиши, не зная скуки
Рифмованная выпренность речей.
И к звёздам отлетал, и падал в руки
Наш белый жемчуг Питерских ночей.

С небес мне пела скрипка Страдивари,
Мечтой кружилась голова слегка...
Всю жизнь летел я, как воздушный шарик,
За землю принимая облака...

Дожди косые мой очаг залили.
Томится пустоцвет в былых садах.
В карманах драных «мыши лбы побили»
И ямб с хореем явно не в ладах.

У скрипки певшей надломилась дека.
С мажорного аккорда сбит колокол.
Лишь ангелы за сердце держат крепко,
Чтоб не сорвался в штопорный виток.

Глотая хмель дымящегося утра,
Бреду к тебе замаливать грехи.
Порвалась нитка бус из перламутра,
И дан зарок забыть свои стихи.

Но вновь строка благословенья просит.
На вещих небесах вода чиста.
Тот, Кто горит, – тот в своём сердце носит
Святой огонь Библейского куста.

«Таща судьбу по лужам стылым...»

Таща судьбу по лужам стылым,
Топя сердца в осенней каше,
Без мест теперь вагоны наши...
Минуя лестничные марши,
Любовь скатилась по перилам.

Вокзал бродяжею стопой
Гудками растоптал нас разом.
И не успел мигнуть я глазом,
Как стал корундом, быв – алмазом.

А ты – ничейною женой...
Мы город этот покидали,
Где наши рухнули мечты.
Тут потерялись я и ты.

Рябины алые кусты,
Поникнув, кровью истекали...

Октябрь – палач мой неизбежный
Здесь дважды голову рубил
И карой вечною грозил:
Лежать, как леске без грузил,
Запутавшись в грязи прибрежной.

Тут, – как небесный приговор:
Я восставал из пепла дважды.
Обугленный, любви я жаждал...
С души моей не сходит сажа
Саднящей раной до сих пор.
Судьба ведёт меня на круг
На кои ветры возвращаясь,
Тенями в Нечто превращались
В причудливых изломах рук.

Я вновь смотрю упрямо ввысь,
Топор нашёптывает вые,

Что подозрительны любые
Две параллельные прямые,
Которые пересеклись.
И, на кострищах ворожбы,
Я распрощаюсь с этой болью
И, посыпая рану солью,
Довольствоваться не стану ролью —

Играть изгнанника судьбы.

Я возвращу тебя сюда,
Чтобы избавиться от страха.
Пусть зарастёт травой плаха,
В окно не будет биться птаха —
Предтеча Страшного суда.

«Скамейка...»

Скамейка.
Летний сад.
Решётка.
В осенних лужах тонут
небеса.

Клочок бумаги
продырявлен
ручкой
И не дописана,
не выпита
строфа.

Неутолённой
жажды
многоточья
В слиянье вод Фонтанки
и Невы.

В пробелах памяти,
судьбы моей
пробелах
Рождаются
дебелые
стихи.

Но образы мертвы
и
русла сухи,
Потуги тщетны
и
не озвучен вопль.
Лишь статуи
взирают
безучастно
С гранитной
высоты
веков.

Михайловский
упёрся шпилем
в небо,
Ворота Летнего
закрыты
на засов.

И Чёрной Речкой
путь проложен
к дому,
Где жил
когда-то
Бог стихов.

«С фотографии поблекшей...»

С фотографии поблекшей
Смотрит на меня,
Улыбнуться не успевший
Мальчик у плетня.

Яблоко в руке зажато,
На лице – испуг.
Остановлен миг когда-то...
Стрелки чертят круг...

Пахнут ладаном на печке
«Пепенки – шафран».
За «антоновкой» со свечкой
Проберусь в чулан.

Для плотвы комочек теста
В миске замешу.
На прикормленное место
До зари спешу.

И к реке, по косогору,
С удочкой сбегу.
Хор лягушек потревожу
У ручья в логу.

Старый куст, росой омытый
Остановит вдруг.
Веток цепкие колючки
Не жалеют рук.

Слаще ежевики с хлебом
В жизни не едал.
За одну минуту детства
Всё б сейчас отдал...

Укатилось лето в осень
Медным колесом.
– даль туманную уносит
– Прожитое Дон.

Выплывет и вновь утонет
В памяти-реке
Тот далёкий, грустный мальчик
С яблоком в руке...

«В донских ключах купался ветер пьяный...»

В донских ключах купался ветер пьяный,
Плакучим ивам косы распускал.
Поил меня настоем трав духмяным.
И трелью соловьиной развлекал.

Там тихо плыл по водной, сонной глади,
Сзывающий к вечерней службе звон...
С тех пор рифмуются в моей тетради
Два близких слова: «Дом» и «Дон».

Жгутом скрутило время полотенце.
Состарились на стенах образа.
Мне память полоснёт огнём по сердцу,
Как тёмной ночью фарой по глазам.

У сельской церкви меньше всё старушек,
И покосило время купола.
Где пели соловьи на старых грушах,
Не зная жалости, прошлась пила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.